

даже запретные темы. В конце 70-х годов Миша Коллегов предложил передачу «44 оборота» или что-то в этом роде. И в тюменском эфире зазвучали мелодии «Битлз», «Лед-зеппелин» и многое из того, что молодежь слушала по ночам через «вражеские голоса». Какой обвал писем получала тогда молодежная редакция радио! А ведь до перестройки было еще далеко...

Теперь я понимаю, какими замечательными были наши руководители! Смелыми и мудрыми. Как не хватает этого стиля руководства сегодня, когда все, казалось бы, разрешено. Для меня и сегодня любой отклик людей, которых я безмерно уважаю и люблю, значит очень многое. Хотя, когда-то обижалась на их замечания. Это мои учителя: Рафаэль Гольдберг, Сергей Фатеев, Василий Гилев, Валентин Чуванов, Нина Цехнова, Джалинда Заводовская, Наталья Аста-

фьева, Елена Бабина, да и все остальные – звукооператоры, техники, машинистки и бабушка Аня, вахтер и наша всеобщая любимица.

Время шло, и я тоже менялась. Уже поехала по командировкам, влюбилась, как и мои коллеги, в Север. Затянула романтика комсомольских строек. Но и тема, главная в журналистской судьбе, тоже нашла меня. Это было перестроечное время, появились ее «проекторы», острые молодежные эфиры. Как-то ко мне на запись пришла андеграундная группа «Инструкция по выживанию». Руководство телерадиокомитета столпилось в режиссерской аппаратурной, прослушивая разговор в студии. В конечном итоге запись прервали, а ребята устроили шоу протеста на улице, показав голые задницы окнам. Очень трудно было понять состоявшимся партийцам, чего хотело новое поколение. И протест

находил выход в эфире. Родился цикл передач по безобидной тематике – охрана памятников культуры, который вызвал бешеный резонанс слушателей. Сотни писем, десятки звонков шли на темы, которые предлагались аудитории: старинное кладбище, снос зданий-памятников, проблемы воинов-интернационалистов, молодежный жилищный комплекс, авторская песня и многое другое. У меня в «молодежке» появился свой внештатный авторский коллектив: ученые, чиновники, искусствоведы, архитекторы, историки, студенты... Это было время необыкновенного творческого подъема, смелости и результата. Но с другой стороны, было уже понятно, что этот короткий период закончится, и надо будет двигаться дальше. Откроются новые двери, и одна из них открылась вскоре – телевидение. Но это сюжет для другого романа.

Валентина ВЫШКОВСКАЯ

Если б снова начать...

С моей стороны это был безрассудный поступок – принять предложение поработать на областном радио.

Мой южный акцент был неистребим, магнитофоны не слушались, плюс возраст без малого сорок...

В тогдашнем моем трудоустройстве принимал участие Николай Яковлевич Замятин, наш журналистский

куратор. Когда-то именно он, тогда сотрудник «Тюменской правды», помог отправить «украинскую делегацию», как он совсем не шуток ради окрестил нашу компанию из двух женщин и троих мальчишек, в конечный пункт нашего путешествия – Нефтеюганск. Это оказалось непростым делом. Был конец августа, и северяне возвращались из отпусков.

Никаких осложнений не предвиделось. «Главное, – говорил Николай Яковлевич, – Вы не нуждаетесь в жилье, а посему Вас возьмут в любую газету». Брали якобы в областную. Но... только через два месяца. В опустевшей квартире в чужом городе столько ждать я не могла. И тогда прямо из окон «белого дома» он показал мне старенькое двухэтажное здание на Хохрякова.

«Семь лет работы в районной газете, семь в областной... Это, надо понимать, на Украине... И семь в «Нефтеюганском рабочем»... – просматривал мое «досье» Владимир Порфирьевич Костоусов, председатель телерадиокомитета. – Думаю, Вы нам подойдете. Акцент?... Микрофон пугает?... Работайте, как привыкли, с ручкой и блокнотом».

А всего через несколько дней, отправляя меня на первое задание, мне вру-

чили выдавший виды чемоданчик. Напрасно я ссылалась на председателя... Старенький «Репортер» – 5 кг, плюс комплект запасных батареек и отвертка, плюс электропереноска (на всякий пожарный), кассеты с пленкой... Моя сумка от такого изобилия уже совсем не походила на дамскую.

Два месяца спустя мне сообщили, что ждут в «Тюменской правде» на собеседование. Походила я, походила вокруг да около, подумала-подумала – и возвратилась в «радиоизбушку» с печным отоплением и удобствами во дворе. То, что вначале так ошеломило – какая-то лавина, тайфун звуков, голосов, музыки, становилось понятным и приятным. А еще... На меня уже было истрачено столько усилий и времени моих новых коллег, что очень хотелось оправдать их ожидания. Они учили меня каждый по-своему.

Вот наш главный на радио – Сергей Александрович Фатеев. Прослушав очередное мое творение и великодушно уступив еще полминуты в эфире (мне всегда не хватало этих самых секунд), сказал в сердцах: «Неужели ты совсем не слышишь свой голос? Никаких чувств, никаких оттенков! Бу-бу-бу... Не уповай на диктора, авторский материал на радио

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ в лицах

Отмечен Почетными грамотами, Благодарностями и знаками отличия Гостелерадио СССР, Тюменского облисполкома, Союза журналистов России, губернатора Тюменской области; награжден несколькими медалями, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (1999). Лауреат премии «Серебряный микрофон» (фестиваль «Тюменская пресса – 2005»).

ФАТЬЯНОВ

Владимир Николаевич

(09.08.1949, г. Подольск).

Окончил Тюменский пединститут (1971).

С 1992 по 1996 г. – музыкальный редактор, ведущий студии ТРТР радиостанции «Диполь-Патруль». С 1996 г. – в ГТРК

«Регион-Тюмень»: комментатор-ведущий информационно-музыкальных передач городской радиостанции «Радио-S-Ностальжи», «Авторадио», «Маяк-FM». Автор популярной цикловой программы «Ностальгическая нота», проектов «Знакомые голоса», «Звезды Тюмени». Собрал редкую коллекцию звукозаписей звезд российской сцены, пополнил ими фонотеку компании «Регион-Тюмень». Один из создателей нового информационно-музыкального радио в Тюмени, работающего в FM-диапазоне. В числе первых освоил технику нелинейного монтажа передач.

Лауреат I межрегионального конкурса «Золотой голос-2003» в номинации «Ведущий музыкальных программ», премии «Серебряный микрофон» (фестиваль «Тюменская пресса – 2006»).

Почетный радист (2003).

предполагает голос автора!» А я так расслаблялась, когда мой очерк или зарисовка звучали в исполнении Нины Петрушиной, моего любимого тогда диктора! Даже не выключала домашний радиоприемник, как это делала почти всегда, когда приходилось «вещать» самой. Нина Ивановна Зарубина о том же говорила по-своему: «Придет время, и вы будете влюбляться в людей по их голосам, а порой, наоборот, переходить на противоположную сторону улицы, чтобы только не слышать ... нет, не слова, – голос... Голос – он всегда убедительней, правдивей слов». Не сразу, но я поняла это.

О Нине Зарубиной я могла бы рассказать много хорошего. У нее какой-то особый дар. Если тебе плохо, она оказывается рядом. Сожалею, что так давно не бывала в ее уютной квартирке, где выше всех похвал ее собственноручный «евроремонт», где при любых обстоятельствах обязательно угощение, где во всем изысканность, а порой и соседская собака, у которой «конфликт» с хозяином. Сколько раз засиживались мы у Нины Ивановны вопреки всем правилам приличия. Просто не хотелось уходить от такой гостеприимной, умной, эрудированной хозяйки, вроде бы никогда никуда не

спешащей и столько успевающей. Каких людей отыскивала она со своим обожаемым «Репортером» на северных стройках и в Тюмени, как умела рассказать о них! Помню, как-то зашел к нам, еще в старое здание, Анатолий Кукарский, наш тюменский поэт. Посидел, пошутил. Потом Нине Ивановне серьезно: «Слушал вчера твое интервью. Как это тебе удается? Вопрос-ответ, вопрос-ответ, все так просто. И собеседник вроде как собеседник. И вдруг такое за всем этим открывается! Это же надо так уметь! Интервью – это твое, интервью и ничего больше!» Тут он был не прав, Нине Ивановне удавались все жанры. А маленькая особенность ее произношения придавала и особую прелесть ее голосу в эфире.

Ох, уж это произношение! Сколько копий ломалось по этому поводу!

«Автор не диктор. Безукоризненное литературное произношение желательно, но не обязательно», – говорили одни. Другие были категоричнее. А я? Что оставалось мне, самому уязвимому в этом отношении человеку? Утешаться тем, что «а вот Геннадю Иосифовичу Шмалю, как об этом говорила на летучке его супруга Лидия Ивановна, даже очень приятен мой легкий украинский акцент», и что, на его взгляд, «это даже украшает эфир...»? А я стояла с коридоре вместе с такими же опоздавшими на летучку «запорожцами» и злилась: «Сам, видно, хохлятских корней, вот ему и приятно...»

Со временем я все же успокоилась, рассуждая так: вот, к примеру, Рафаэль Гольдберг. При его таланте и эрудиции, так ли уж она важна, эта чистота произношения?.. Хотя... Помню, когда записывали Гольдберга, обстановка в студии и около становилась угрожающей: «К нам не подходи, к нам не подходи...» Лично меня Гольдберг поражал, удивлял, восхищал и... заставлял злиться. То легко отдаст интересную тему, подскажет адрес, подарит героя, собственноручно допишет в чужом материале главную мысль, которой там как

Х

ХАБАРОВ

Игорь Николаевич

(12.07.1972, г. Свердловск).

Окончил с отличием факультет театрализованных представлений и праздников Тюменской государственной академии культуры и искусств по специальности режиссер, преподаватель (2007).

С 1997 г. – на радиостанции «Европа плюс Гермес», оператор эфира, режиссер производства рекламы. С 2007 г. руководил продакшн-студией медиахолдинга «Радио Западной Сибири». В 2010 г. исполнял обязанности директора производства эфира. В 2011 г. принят на радио «Победа» режиссёром. С 2012 г. – режиссер телерадиокомпании «Евразия» (ТюмГУ). С 2013 г. – саундпродюсер «Радио «Добрые песни» в Тюмени».

Награжден дипломами фестиваля рекламы «Хвост удачи» (2002), «Золотой голос» (2003), «Московского международного фестиваля рекламы» (2003), фестиваля «Идея» (Новосибирск, 2003), национальной премии «Радиомания» (2005), Почетной грамотой губернатора Тюменской области (2007).

раз и не хватало... Позволил поплакаться на своем плече, привезет из очередной командировки хну, чтобы не видеть эти серо-буро-малиновые головы... А то вдруг даст волю «личной неприязни», и непонятно, откуда что свалилось... По частоте командировок на Север с ним могли сравниться немногие. Бывало, и Новый год в вагоне вагончике встречал, чтобы рядом со своими героями... И еще. Может, это не такой уж геройский поступок – вступить за безобидную дворняжку, которую пинает тупой амбал... Я сама это видела, и, как говорится, «страшен был он (то есть Гольдберг) в своем гневе...» Чуть до потасовки не дошло. Ретировался амбал. А сколько брошенных существ с его легкой руки оказывалось любимцами в хороших домах! Никаких ассоциаций. Но когда я узнала, что военные годы Гольдберг, мой ровесник, провел в детстве, мне стали понятней и его характер, и его жизненные предпочтения.

Помню каждого человека в нашем радиокolleктиве. Юрий Николаевич Разумов. Юра Разумов. Вот уж кто никогда никому не мог отказать в помощи. Забеспокоишься, засомневаешься, закомплексуешь, и он, оставив свое срочное дело, будет спасать твое. И полу-

чит «втык» за свою якобы несобранность. Мы даже договаривались между собой: не отвлекать Юру, пока не удостоверись, что у него самого все о'кей.

Или главный над нашей, тогда почти доисторической, техникой – добрый великан Нездойминога. Днем и ночью, а надо, и в выходные, лечил он наши капризные «Репортеры». Их лечил, а нас учил хитростям обращения с ними. Его каморка-кабинет-мастерская была для нас настоящей «скорой помощью». Потом, когда мы приходили уже к нему в больницу, по сути – прощаться, он не говорил о себе. Продумав все в деталях, объяснял нам, как в нашем новом здании, пока нет столовой, можно и нужно организовать горячее питание. Не забуду, как молча рыдали потом, внизу в вестибюле больницы, ребята-звукооператоры.

Рано ушел из жизни Валера Дода, доброжелательный остроумный парень, виртуоз своего дела. Сколько несуразниц вылавливал он на наших пленках, сколько записей спас, становясь, в частности, и моим соавтором. Так же, как и Лидия Паршукова, милая наша Дюймовочка с пальцами пианистки, всегда модно одетая, потому что сама себе – и швея, и модельер. Даже не

знаю, как ей удалось еще и институт закончить при той нагрузке, при ненормированном частенько рабочем дне. Никогда не жаловалась, ничего не требовала, никогда не защищала свое жизненное пространство локтями.

Легко работалось с Женеи Дроздинским, он тоже начинал на радио звукооператором. Умный, интеллигентный. И его молодая жена Людмила – строгая, категоричная. Все у нее было расписано по минутам. Я не понимала, почему она всегда так торопится, деток тогда у них еще не было. Оказалось, что ей по-другому нельзя, потому что, кроме любимого мужа, была у нее еще одна большая любовь – танцевальный ансамбль «Калинка».

Виктора Семеновича Горбачева я, конечно, знала и до того, как он возглавил областной телерадиокомитет. Да и кто его не знал, кто не слышал его колоритный голос в телесюжетах? Рядом с такими людьми уютно и надежно. И не только родным и близким. И не только в благополучные времена. Конфликты. Как без них в большом коллективе, тем более в творческом, где многое на эмоциях и нервах? Так вот, если кто и умел разрешать те конфликты, разрешать бескровно, так это Виктор

Семенович. Не раз убеждалась в этом.

Как-то неожиданно-неганданно заявление об уходе по собственному желанию написала Наташа Астафьева. Сама ничего не объясняла, а другие – кто ничего сказать не мог, а кто, возможно, и не хотел. «Якобы уезжает...» Я же знала наверняка – в данный момент ехать ей некуда и не к кому. Да и зачем? Здесь ею гордились и любили. Циклы ее серьезных передач, в которых участвовали очень смелые, современно мыслящие специалисты, по сути, поднимали областное радио на новый уровень. Но отчасти были и укором тем, кто плыл по привычному течению. И случилось, что кто-то не совладал с таким непредсказуемым чувством, как зависть. Пусть даже всего на какое-то время, пусть даже на уровне подсознания, но это проявилось.

Трижды мы рвали ее заявление, не помогало. И тогда мы пошли к Горбачеву. Не знаю, как и с кем говорил он по поводу всего этого недоразумения. Главное, что все, как прежде, остались на своих местах коллегами и товарищами. А по тюменскому телевидению и радио еще долго звучал негромкий голос Наташи Астафьевой, который вскоре стал слышен всей стране.

Под жернова недоразумений попадает порой каждый. Не знаю, чем бы это обернулось для меня, если бы Виктор Семенович не захотел разобраться в том хитросплетении. Вроде бы и «не царское это дело», но он все выяснил, все уточнил и предложил собранию сказать свое слово. Никогда в жизни не было у меня столько защитников. Да и в адрес моего «нападающего» коллеги нашли нужные слова и тон. И он успокоился. Не сразу, но согласился, что, мягко говоря, был не прав. И не было инфарктов, приказов, увольнений.

А перед тем собранием на моем рабочем столе появился большой букет великолепных роз. Оказывается, это наша Лидия Александровна Воронцова, у которой в тот день был вечерний эфир, и она не знала, успеет ли на собрание, вот так заранее выразила свое отношение к происходящему. И совсем не потому что считала меня «ангелом во плоти», а потому что всегда была против травли и унижения любого человека. По разным поводам дарили мне цветы, но дороже того букета роз у меня в жизни не было.

Помню я, конечно, и многих героев своих радиопередач. Один из них – Анатолий Николаевич Дубяга.

Ц

ЦЕХНОВА Нина Петровна

(28.01.1948, с. Вагай
Тюменской области).

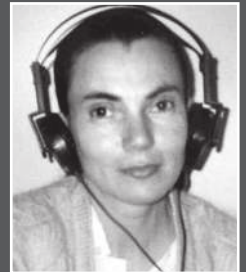
Окончила Уральский госуниверситет им. Горького (1973), Всесоюзный институт повышения квалификации Гостелерадио СССР (1988).

Творческую деятельность начала в 1966 г. литсотрудником вагайской газеты «Сельский труженик». В комитете по ТВ и РВ Тюменского облисполкома – с 1973 г.: корреспондент, редактор молодежных передач радио, ст. редактор, зав. отделом художественного вещания (1979), редактор литературно-драматических передач (1981), старший редактор литературно-музыкальной редакции радио (1987).

С ее участием подготовлен радиоспектакль «Зодчий», прошедший по Всесоюзному радио, выходит цикл «Старшеклассники», под ее редакцией готовится цикл «Дусларга сукмак».

Член оргкомитетов межрегионального радиофестиваля «Сибирский тракт».

Неоднократно отмечена Благодарственными адресами комитета по ТВ и РВ Тюменского облисполкома, Почетными грамотами Гостелерадио СССР.

Если по справедливости, то автором очерка был каждый, кто рассказывал об этом замечательном докторе, преподавателе, фронтовике. На летучке очерк о Дубяге предложили вынести на «Красную доску». И впервые я не сомневалась, что это действительно заслуженно, а не просто поддержки ради, как мне порой казалось в подобных ситуациях. Позже мне передали записку от Любви Заворотчевой. Она была адресована не мне, но в ней были такие добрые слова о моем герое и обо мне, что я храню эту записку до сих пор.

В то время практиковался повтор лучших передач. Из моих ни одну не повторяли так часто, как эту об Александре Ефимовиче Федорове. Она того стоила, вернее, ее герой. Если бы не документальность очерка, можно было бы усомниться, а действительно ли родился и живет в Тюмени такой человек? Прошел всю войну, а теперь ездит на одном и том же грузовичке вот уж 25 лет, без аварий и капремонтов. Возможно ли такое? Оказывается, возможно, если машина для тебя – это живое, это друг. Где бы он был сейчас, если бы не его фронтовая полуторка?

Взгляд у него как у художника. А голос? Слушаешь, а сам уже там, вроде с

тобой все происходит. «Вот едет по грунтовой дороге пожилой шофер. Тишина, солнце светит. Вдруг ахнул: «Что это, все поле в огне?!» Затормозил, выбежал. Как спасти, как тушить? Но пригляделся – отлегло от души. Слава тебе, Господи, это не огонь, это рожь цветет. Какое чудо, красота – токая! Не каждому в жизни посчастливится увидеть такое!»

Слушал бы его и слушал. И голос у него, как он сам, – честный и мудрый. Зацепил он своим голосом и мыслями, и жизнью своей нашего городского «генсека» Игоря Александровича Шаповалова. Раз попросили повторить передачу, потом еще... А ведь это не отчет с партконференции. Потом, когда я была уже в другом окружении, среди других людей, с радостью узнала, что побывал Александр Ефимович Федоров со своим грузовичком в Москве, на выставке, и был награжден за свой труд и верность...

Всего-навсего шесть лет по делам службы я представлялась: «Корреспондент областного радио», но если бы снова начать, как поется в известной песне, я бы вновь выбрала радио. Пораньше бы, в молодости, и на более долгий срок. Возможно – навсегда...